

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.А. Глебов

Какая должна быть апология веры в Христово воскресение?

Опубликовано:

Христианское чтение. 1908. № 5. С. 779-792.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Какая должна быть апологія вѣры въ Христово воскресеніе?

Въ январской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» за текущій годъ помѣщена статья доцента Казанской дух. академіи Константина Григорьевича Григорьева подъ заглавіемъ: «Къ апологіи вѣры въ Христово воскресеніе». Статья эта представляетъ собою воспроизведеніе возраженій, сдѣланныхъ К. Г. Григорьевымъ на магистерскомъ коллоквиумѣ противъ первой, апологетической, части моего сочиненія: «Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи» (Новочеркасскъ, 1905 г.). Признавая эти замѣчанія неосновательными, я считаю нужнымъ опровергнуть ихъ и въ то же время сдѣлать нѣсколько разъясненій о томъ, какая должна быть апологія вѣры въ Христово воскресеніе.

Воскресеніе І. Христа изъ мертвыхъ, составляющее основу христіанства, еще съ древнихъ временъ вызывало со стороны враговъ христіанства самыя разнообразныя нападки. Уже въ самый Свѣтлый день воскресенія появились отрицатели этого чуда. Первосвященники и старѣйшины іудейскіе, получивши отъ стражей гроба извѣстіе о возстаніи І. Христа изъ мертвыхъ, дали деньги имъ и велѣли объяснять чудо воскресенія тѣмъ, что ученики Господа пришли ночью, украли тѣло Его и затѣмъ сказали, что Онъ воскресъ (Матѣ. XXVIII, 13—15). Съ этихъ поръ число отрицателей чуда воскресенія Христова все болѣе и болѣе увеличивалось, выдумывались всевозможные способы объясненія этого чуда «естественнымъ» путемъ— съ отрицаніемъ факта возстанія І. Христа изъ мертвыхъ. Особенно много гипотезъ придумано было въ XIX вѣкѣ. Главными отрицателями чуда Христова воскресенія являются:

Штраусъ, Ренанъ, Ноакъ, Гаусратъ, Гольштенъ, Кеймъ, Лотце, Фихте младшій и, наконецъ, Гарнакъ. Каждый изъ этихъ ученыхъ старался доказать, что вѣра въ возстаніе Христова произошла не изъ наблюденія соответствующаго чудеснаго событія, а вслѣдствіе возбужденія вѣрующихъ послѣ смерти І. Христа.

Очевидно, что всякому, взявшемуся составить апологетическое изслѣдованіе о воскресеніи І. Христа, необходимо представить, по возможности въ стройномъ видѣ, гипотезы вышеуказанныхъ отрицателей христіанства. Эту задачу я и исполнилъ въ своей книгѣ: «Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи». Но г. Григорьевъ недоволенъ этимъ. Онъ упрекаетъ меня за малое знакомство съ литературой по исторической и религіозно-философской апологіямъ вѣры въ Христово воскресеніе. «Изъ весьма скромнаго перечня пособій, — пишетъ онъ, — какой Вы сдѣлали въ началѣ вашей исторической апологіи, видно, что для васъ остались неизвѣстными всѣ сочиненія, касающіяся вашей темы. вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Не всѣ они заслуживаютъ вниманія, но вамъ безусловно необходимо было имѣть подъ руками работу Korff'a: Die Aufrethung und Himmelfahrt unseres Herru Jesu Christi. 1897. Въ этомъ сочиненіи есть и дѣльныя методологическія указанія и старательно собранный научный матеріалъ. Какъ видно изъ вашего списка пособій, вы прошли мимо и давно уже вышедшихъ въ печать трудовъ Weyschlag'a — этого, по общему мнѣнію, могучаго противника самой опасной для нашей вѣры субъективной визионерной гипотезы» (стр. 89). Упрекъ въ томъ, что авторъ извѣстной книги не прочиталъ всѣхъ пособій по предмету своего сочиненія есть обычный у нашихъ ученыхъ и, по моему мнѣнію, неосновательный. Дѣло въ томъ, что познакомиться со всѣми вышедшими въ свѣтъ сочиненіями относительно воскресенія І. Христа нѣтъ никакой возможности. Каждый годъ на эту тему появляются десятки изслѣдованій.

Конечно, большинство изъ нихъ — компилятивнаго характера и не имѣетъ значенія. К. Г. Григорьевъ указываетъ только на два важныхъ сочиненія — пособія, которыя я упустилъ изъ вниманія и изъ этого уже слѣдуетъ заключить о моемъ «весьма маломъ» знакомствѣ съ литературою по исторической и религіозно-философской апологіямъ вѣры въ Хри-

ство воскресеніе. Заключение, какъ видитъ читатель, очень поспѣшное и не основано на посылкахъ. Но это заключение тѣмъ болѣе странно, что г. Григорьевъ самъ сознается въ томъ, что указанная имъ пособія—невысокаго качества. «Новѣйшія изслѣдованія исторіи Христова воскресенія, — замѣчаетъ онъ,—по существу дѣла заключаютъ въ себѣ не очень много новаго» (стр. 88). Если такъ, то, значить, можно обойтись и безъ нихъ, и упрекъ по моему адресу въ «весьма маломъ» знакомствѣ съ литературою по вопросу о Христовомъ воскресеніи сдѣланъ, очевидно, по недоразумѣнію.

Историческая достовѣрность чуда воскресенія Христова основывается, съ одной стороны, на подлинности евангельскихъ повѣствованій о Христовомъ воскресеніи, а съ другой — на всеобщности вѣры въ Христово воскресеніе и невозможности удовлетворительно объяснить происхождение вѣры учениковъ въ воскресеніе Господа безъ соотвѣтствующаго чудеснаго событія. Рѣшеніе этихъ вопросовъ дается въ первой части моей вышеуказанной книги. К. Г. Григорьевъ, однако, упрекаетъ меня за то, что я не обратилъ должнаго вниманія на два вопроса: 1) есть ли Христово воскресеніе фактъ чувственно воспринятый, или онъ не имѣлъ наблюдателей? 2) что можетъ дать историческая и что религіозно-философская апологія вѣры въ Христово воскресеніе? «Часто приходится слышать, — пишетъ онъ, — что воскресеніе Господа есть историческій фактъ... Въ этихъ словахъ, конечно, заключается правда, но нельзя упускать изъ вида того обстоятельства, что никто не былъ свидѣтелемъ возстанія Христа изъ гроба. Думать иначе, значить впадать въ явную ошибку, говорить иначе, значить, по меньшей мѣрѣ, говорить не научнымъ языкомъ. Между тѣмъ на 24 стр. 1-ой части вашего сочиненія читаемъ: «мы признаемъ, что эта вѣра (т. е. вѣра апостоловъ въ воскресеніе Спасителя) произошла только изъ наблюденія дѣйствительнаго факта воскресенія Господа, какъ свидѣлствуютъ евангелія». Но кто же наблюдалъ фактъ воскресенія Господа, и гдѣ въ евангеліяхъ говорится объ этомъ? Эти слова К. Г. Григорьева вызываютъ у меня полное недоумѣніе. О томъ, что никто не видалъ момента возстанія І. Христа изъ гроба, я неоднократно говорю въ своей книгѣ (2 часть, стр. 1, 16, 19). Тѣмъ не менѣе я имѣю полное право утверждать, что фактъ воскресенія Господа *наблюдали* апостолы и прочіе послѣдователи Его. Воскресеніе І. Христа есть фактъ чувственно

воспринятый, а не духовный, или психологическій, какъ можно заключать изъ словъ г. Григорьева. Жаль, что г. Григорьевъ, упрекая меня въ неточности, самъ допускаетъ ее въ гораздо большей степени. Мнѣ весьма интересно было бы знать, какъ онъ смотритъ на событіе воскресенія Христова, признаетъ ли онъ его чувственнымъ, или духовнымъ, и почему воскресеніе Господа, по его мнѣнію, можно назвать историческимъ фактомъ. По моему мнѣнію, воскресеніе І. Христа нужно причислить къ чувственно-воспринятымъ фактамъ по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, апостолы и жены мироносицы наблюдали, что І. Христосъ умеръ на крестѣ (Матѣ. XXVII, 55; Марк. XV, 40; Лук. XXIII, 49; Иоан. XIX, 25—30). Затѣмъ, Іосифъ Аримаоѣйскій съ Никодимомъ и нѣкоторыя жены мироносицы участвовали въ погребеніи І. Христа, видѣли, какъ тѣло Его было снято со креста и положено во гробѣ Іосифа (Лук. XXII, 55). Далѣе, тѣло І. Христа было охраняемо стражей (Матѣ. XXVIII, 61). Нѣтъ нужды доказывать, что тѣло І. Христа до поставленія стражи у гроба не было взято апостолами или кѣмъ-либо изъ вѣрующихъ. Запечатывая гробъ и ставя стражу, враги І. Христа, конечно, убѣдились прежде всего въ томъ, что тѣло Христа находится во гробѣ. Этого требовало существо дѣла. Признать, что фарисеи приставили стражу ко гробу, не освидѣтельствовавъ его, значить счесть ихъ глупцами. Да и самъ начальникъ стражи потребовалъ бы такого освидѣтствованія, иначе онъ подвергался напрасному жестокому наказанію. Въ воскресенье утромъ гробъ І. Христа найденъ былъ пустымъ женами мироносицами и апостолами (Матѣ. XXVIII, 5—6). Затѣмъ, послѣдовало явленіе Господа сначала мироносицамъ, а потомъ и апостоламъ (Иоан. XX, 11—17; Марк. XVI, 9—11; Матѣ. XXVIII, 9—10): не имѣемъ ли права послѣ этого сказать, что ученики наблюдали тѣлесное воскресеніе Господа. Правда, момента воскресенія они не видали, но вѣдь и при совершеніи другихъ чудесъ апостолами не были наблюдаемы всѣ моменты, напримѣръ, при исцѣленіи дочери начальника іудейскаго (Матѣ. IX, 23—25), при исцѣленіи сына царедворца (Иоан. IV, 47—54), при исцѣленіи слѣпорожденнаго (Иоан. IX, 6—7). Апостолы знакомились, главнымъ образомъ, съ причинами и результатами чудесныхъ явленій; сущность же чудесъ, т. е. то, какъ благодать Божія измѣняла то или другое физическое явленіе, оставалась имъ недоступной. Апо-

стола, напрімѣръ, наблюдали, что І. Христось пятью хлѣбами насытилъ четыре тысячи человекъ (Мато. XV, 33 — 38). Но апостолы не замѣтили, *какъ* увеличивались хлѣбы. Они видѣли сначала 5 хлѣбовъ, а затѣмъ—насыщеніе этими хлѣбами четырехъ тысячъ. Точно также и въ данномъ случаѣ апостолы видѣли І. Христа мертвымъ и погребеннымъ во гробѣ, а затѣмъ — нашли гробъ І. Христа пустымъ, а Его Самого увидѣли въ тѣлесно-прославленномъ видѣ. Неужели нельзя сказать послѣ этого, что ученики наблюдали фактъ воскресенія Господа?

О томъ, что можетъ дать историческая и что—религіозно-философская апологія вѣры въ Христово воскресеніе, въ моей книгѣ есть нѣсколько замѣчаній. На третьей страницѣ моей книги говорится слѣдующее: «Если невозможно удовлетворительно объяснить происхожденія вѣры учениковъ въ воскресеніе Господа безъ соотвѣтствующаго чудеснаго событія, то фактъ, что на этой вѣрѣ основывается все христіанство, будетъ вынуждать къ признанію того, что воскресеніе Господа есть несомнѣнное событіе». О значеніи религіозно-философской апологіи вѣры въ Христово воскресеніе говорится на стр. 118—119 моей книги и далѣе. К. Г. Григорьевъ держится иного взгляда на значеніе исторической апологіи Христова воскресенія: «На пути историческаго изслѣдованія, — пишетъ онъ,—можно опровергнуть всѣ существующія, такъ сказать, естественныя объясненія опустѣнія гроба, видѣній и вѣры апостоловъ и — только. Думаю, нѣтъ надобности подробно разяснять, что отъ этой границы до логически принудительной мысли о дѣйствительности Христова воскресенія — дистанція большого размѣра. Переступить ее можно лишь актомъ вѣры, а основанія для такой вѣры даются такого рода религіозно-философскимъ міропониманіемъ, которое требуетъ вѣры въ Боговоплощеніе и въ воскресеніе Воплотившагося» (стр. 93). Мнѣ кажется, что г. Григорьевъ слишкомъ ужъ большое значеніе придаетъ религіозно-философскому міропониманію. Христіанское откровеніе было историческимъ и потому можетъ быть правильно понимаемо только тогда, когда разсматривается съ исторической точки зрѣнія. Христіанство не состоитъ только изъ массы отвлеченныхъ доктринъ или правилъ, но изъ совокупности историческихъ фактовъ, истинный смыслъ и достовѣрность которыхъ нужно объяснить и доказать. Г. Григорьевъ признаніе чуда воскресенія Христова ставитъ въ зависимость

отъ вѣры въ Боговоплощеніе Христа. Если теперь спросить его: а на чемъ основывается вѣра въ Боговоплощеніе, то онъ, конечно, долженъ сослаться на Св. Писаніе. А вѣра въ богодухновенность Св. Писанія основывается на непреложной истинности его содержанія. Слѣдовательно, мы опять придемъ къ тому же, съ чего начали, т. е. къ признанію воскресенія Христова безусловно истиннымъ историческимъ фактомъ, а отсюда—къ вѣрѣ въ І. Христа, какъ Богочеловѣка. Думать иначе—значить унижать авторитетъ Св. Писанія. Если мы признаніе чуда воскресенія І. Христа поставимъ въ зависимость отъ религіозно-философскаго міропониманія, то можемъ легко уклониться въ толстовство. Извѣстно, что Л. Н. Толстой признаніе фактовъ евангельской исторіи ставитъ въ зависимость отъ своего религіозно-философскаго міропониманія. Онъ признаетъ только тѣ факты евангельской исторіи, какіе подходятъ къ его міропониманію. Отсюда одинъ шагъ до полнаго отрицанія всей евангельской исторіи.

Г. Григорьевъ очень недоволенъ моимъ методомъ изложенія и опроверженія рационалистическихъ гипотезъ о воскресеніи Господа, которыя я излагаю и разбираю поодиночкѣ. По его мнѣнію, анализъ исторіи Христова воскресенія открываетъ три главныхъ факта: пустой гробъ, видѣнія и вѣру апостоловъ въ воскресеніе Спасителя. «Иное было бы дѣло,—пишетъ онъ,—еслибы вы не проходили мимо исторіи (Христова воскресенія) и сначала точно описали обнаруженіе пустого гроба, видѣнія и вѣру апостоловъ, видѣнія и вѣру ап. Павла. А затѣмъ, остановившись, напримѣръ, на вѣрѣ апостоловъ въ Воскресшаго, вы привели бы все то, что говорятъ о ея возникновеніи Штраусъ, Ренапъ, Ноакъ и др. и опровергли бы это. Потому то же самое сдѣлали бы и относительно явленія Воскресшаго и пустого гроба. Тогда все было бы отчетливо, сжато, рельефно»... Г. Григорьевъ совѣтуетъ мнѣ поступать такъ, какъ дѣлали прежніе изслѣдователи чуда воскресенія Христова, напр. Соболевъ. Сочиненіе послѣдняго: «Дѣйствительность воскресенія Господа нашего І. Христа», появившееся въ 1874 году, онъ очень высоко ставитъ. Считаю нужнымъ указать г. Григорьеву, что всѣ новѣйшіе отрицатели чуда воскресенія Христова преимущественно останавливаются только на одномъ фактѣ изъ исторіи воскресенія—вѣрѣ апостоловъ въ Воскресшаго. Этотъ фактъ для всѣхъ рационалистовъ неопровержимъ, такъ какъ на этомъ фактѣ основана Церковь Христова, и онъ засвидѣ-

тельствованъ не только христіанскими историками, но и языческими. Опустѣніе же гроба и видѣнія апостоловъ рационалисты признають второстепенными подробностями, на которыя часто они даже не обращаютъ вниманія. Эти факты указаны только въ Евангеліи, и любой рационалистъ можетъ признать упоминаніе о нихъ позднѣйшей вставкой. Слѣдовательно, еслибы я подробно остановился на этихъ фактахъ, какъ желаетъ того г. Григорьевъ, и защищалъ бы ихъ отъ нападокъ, то, пожалуй, моя полемика похожа была на борьбу Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами. Но иное дѣло полемизировать съ рационалистами по вопросу о причинахъ происхожденія вѣры апостоловъ въ воскресеніе Спасителя. Здѣсь борьба предстоитъ серьезная. На этомъ вопросѣ сосредоточено теперь все вниманіе рационалистовъ, которые стремятся доказать, что вѣра въ воскресеніе Господа произошла «естественнымъ» путемъ—безъ чудеснаго факта. Апологетъ въ этомъ вопросѣ долженъ зорко слѣдить за врагами христіанства и безпощадно разрушать всѣ ихъ «хитросплетенія». Поэтому при изложеніи и разборѣ отрицательныхъ гипотезъ я въ своей книгѣ все вниманіе сосредоточилъ на этомъ пунктѣ. Мнѣнія противниковъ чуда воскресенія Христова я излагалъ въ стройной системѣ. Я считаю прежній методъ полемики — приводить отрывочныя фразы противника по тому или иному вопросу и сейчасъ же опровергать ихъ—весьма неудачнымъ. Всякій, прочитавшій такого рода полемическое сочиненіе, можетъ усомниться въ томъ, добросовѣстно ли авторъ полемизировалъ, не выхватывалъ ли онъ изъ цѣлой системы своихъ противниковъ только такія мысли, которыя онъ могъ опровергнуть. Въ виду этого, я во введеніи къ своей книгѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что изслѣдованія Соболева и о. Петропавловскаго о воскресеніи І. Христа я признаю неудачными, такъ какъ авторы ихъ приводятъ отдѣльныя фразы противниковъ воскресенія Христова и сейчасъ же опровергаютъ ихъ. Напрасно г. Григорьевъ пишетъ, что такихъ приемовъ (какъ въ моей книгѣ) нѣтъ въ новыхъ научныхъ работахъ по вопросу о воскресеніи Христовомъ. Я совѣтую ему заглянуть въ книгу *Steude: «Die Auferstehung Iesu Christi»*. Leipzig. 1893. Здѣсь — такой же методъ изложенія отрицательныхъ гипотезъ, какой находится въ моей книгѣ. Этотъ методъ особенно хорошъ потому еще, что читатель самъ часто наглядно убѣждается въ ложности взглядовъ враговъ христіанства: послѣдніе въ пылу спора часто опровергаютъ

другъ друга, такъ что христіанскому анологету остается только подчеркивать это.

«Но вамъ, замѣчаетъ г. Григорьевъ,—пришлось при вашемъ методѣ часто повторяться, говорить объ одномъ и томъ же по пяти и болѣе разъ. Естественно, что сила вашей аргументаціи здѣсь раздробилась, распылилась, ваша критика получила видъ разрозненныхъ полемическихъ выпадовъ» (стр. 94). Дѣйствительно, во всей моей книгѣ проводится та основная идея, что ученики І. Христа въ своей душѣ не имѣли никакихъ элементовъ къ образованію призрачныхъ видѣній Воскресшаго Господа. Эту мысль я намѣренно повторялъ всякій разъ, когда приходилось опровергать гипотезы рационалистовъ. Другихъ повтореній въ моей книгѣ не содержится. Неужели отсюда можно заключать о томъ, что «сила моей аргументаціи раздробилась, распылилась?» Возьмите любое сочиненіе, и вы во многихъ мѣстахъ его найдете указаніе главной мысли автора. Ясно, что замѣчаніе г. Григорьева непродумано.

Оцѣнивая содержаніе исторической апологіи Христова воскресенія, раскрытой въ моей книгѣ, г. Григорьевъ указываетъ слѣдующія ошибки:

1) Въ моей книгѣ будто бы нѣтъ указанія на одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій противъ субъективной визионерной гипотезы. «Вы,—пишетъ онъ,—не упоминали о томъ, что если бы апостолы, придя послѣ смерти Господа къ мысли о торжествѣ Его надъ смертью, сдѣлались жертвою галлюцинацій, то они увидѣли бы Его въ величественномъ и сіяющемъ видѣ, можетъ быть, на облакахъ, одесную Отца, въ ослѣпительномъ свѣтѣ» (стр. 97). Это—совершенная неправда. На стр. 81 своей книги, опровергая мнѣніе Гаусрата, я привожу указанное возраженіе. Г. Григорьевъ почему-то считаетъ это возраженіе противъ субъективной визионерной гипотезы очень важнымъ. «Воскресшаго,—замѣчаетъ онъ,—апостолы видѣли въ простомъ скромномъ видѣ. Это обстоятельство не позволяетъ принять субъективную визионерную гипотезу, если даже допустить, что апостолы могли галлюцинировать» (стр. 97). По моему мнѣнію, весьма опасно допускать предположеніе о томъ, что апостолы могли «галлюцинировать». Если мы допустимъ эту возможность, то противники чуда воскресенія Христова сейчасъ же воспользуются этимъ. Галлюцинаціи бываютъ очень разнообразны. Никто еще не изслѣдовалъ законовъ галлюцинацій. Противники чуда воскресенія Христова могутъ со-

слаться на то, что и апостолы видѣли І. Христа послѣ воскресенія не въ такомъ ужъ скромномъ видѣ, какъ прежде. Такъ, І. Христосъ являлся ученикамъ сквозь затворенныя двери и исчезалъ внезапно, вознесся, затѣмъ, со славою на небо. Развѣ это не указываетъ на прославленіе Спасителя? Вотъ почему я въ своей книгѣ считалъ самымъ главнымъ аргументомъ противъ субъективной визионерной гипотезы указаніе на то, что у апостоловъ не было никакихъ элементовъ къ образованію идеи тѣлеснаго воскресенія І. Христа.

2) Г. Григорьевъ упрекаетъ меня за то, что я неточно, по его мнѣнію, описалъ то состояніе духа, въ какомъ апостолы находились послѣ смерти Спасителя. «Полемизируя со Штраусомъ,—замѣчаетъ онъ,—вы заявляете: «ученики послѣ смерти Іисуса являются спокойными, а не возбужденными. Эммаусскіе ученики, напр., спокойно разсуждаютъ о послѣднихъ событіяхъ въ Іерусалимѣ. Такъ же поступаютъ и другіе ученики...» (стр. 53). Это ваше утвержденіе само по себѣ совершенно невѣроятно: невозможно допустить, чтобы ученики послѣ ужасныхъ дней страстной седмицы чувствовали себя спокойными. Неудивительно, что и сами вы рѣшительно отвергаете мысль о спокойствіи учениковъ во второй части диссертациі, гдѣ вы говорите о печальномъ расположеніи духа эммаусскихъ путниковъ (стр. 87), объ ихъ скорби (стр. 93)... Наконецъ, въ полемикѣ съ Гольштенемъ вы соглашаетесь признать даже фактъ внутренней борьбы въ душѣ ап. Петра» (стр. 85). Г. Григорьевъ въ этомъ случаѣ не желаетъ понимать моей рѣчи. Я во многихъ мѣстахъ книги говорю, что ученики послѣ смерти Спасителя были весьма печальны, но въ то же время и спокойны, т. е. не допускали какихъ-либо бурныхъ проявленій грусти или радости, какія наблюдаются у людей, подверженныхъ галлюцинаціямъ. Вѣдь г. Григорьеву стоило только привести мое заключеніе о настроеніи учениковъ, чтобы не поднимать вопроса объ этомъ. Полемизируя со Штраусомъ, я пишу слѣдующее: «Ученики послѣ смерти Іисуса являются спокойными, а не возбужденными. Эммаусскіе ученики, напр., спокойно разсуждаютъ о послѣднихъ событіяхъ въ Іерусалимѣ. Такъ же поступаютъ и другіе ученики. *Вообще въ евангельскихъ разсказахъ о воскресеніи Господа и явленіяхъ нѣтъ даже намека на «экстазъ учениковъ, или что-либо подобное»*» (стр. 53). Послѣднюю мою фразу г. Григорьевъ почему-то не привелъ въ своей полемикѣ, а между тѣмъ изъ нея ясно, какъ

я понимаю спокойствіе учениковъ. Я утверждаю, что ученики не были подвержены экстазу, или чему-либо подобному, но ни въ какомъ случаѣ не отрицаю того, что ученики находились въ глубокой печали. Такимъ образомъ, никакого противорѣчія между моими мыслями нѣтъ. Равнымъ образомъ, и фактъ внутренней борьбы въ душѣ ап. Петра не свидѣтельствуешь о томъ, что этотъ апостоль испытывалъ экстазъ. Онъ былъ въ нормальномъ состояніи духа, какъ и другіе апостолы, не смотря на то, что испытывалъ печаль.

3) К. Г. Григорьевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я будто бы неясно и противорѣчиво излагаю вопросъ о томъ, могли ли ученики, послѣ смерти Господа, думать о возможности Его воскресенія. «Въ полемикѣ со Штраусомъ, Ренаномъ, Ноакомъ, Гаусратомъ, Гольштенемъ,—замѣчаетъ онъ,—вы болѣе пяти разъ утверждаете, что ученики послѣ смерти Спасителя не могли думать о возможности Его воскресенія (стр. 80, 85)... Однако, какъ ни убѣжденно вы говорите объ этомъ въ спорѣ со своими противниками, въ другихъ мѣстахъ своей диссертации вы рѣшительно измѣняете себѣ самому. На 94 стр. второй части диссертации вы пишете, что Лука и Клеопа до «третьяго дня ожидали воскресенія Учителя», а на 44 стр. той же части вы справедливо доказываете, что ученики могли думать о воскресеніи Господа» (стр. 99). Противъ этого нужно сказать слѣдующее. Въ полемикѣ со Штраусомъ, Ренаномъ, Ноакомъ и друг. я доказываю, что ученики не имѣли мысли о воскресеніи Спасителя въ тѣлесно-прославленномъ видѣ. Предсказанія І. Христа о томъ, что Ему надлежитъ пострадать, быть убіену и въ третій день воскреснуть (Лук. XVIII. 31 и друг.), ученики понимали не въ томъ смыслѣ, что Онъ возстанетъ въ тѣлесно-прославленномъ видѣ. Они думали, что Онъ возстанетъ съ прежнимъ тѣломъ, освободитъ народъ іудейскій отъ враговъ и устроитъ земное царство, гдѣ евреи могли жить безпечально. Но и эта вѣра къ концу третьяго дня по смерти Спасителя стала ослабѣвать «мы же надѣяхомся»,—говорятъ эммаусскіе ученики,—«яко сей есть хотя избавити Израиля» (Лук. XXIV, 21). Отсюда ясно, что между моими мыслями нѣтъ противорѣчія. Ученики І. Христа надѣялись, что Онъ на третій день побѣдитъ Своихъ враговъ и устроитъ земное царство, но не имѣли мысли о воскресеніи Его въ тѣлесно-прославленномъ видѣ.

Касаясь явленія І. Христа ап. Павлу, К. Г. Григорьевъ

упрекаетъ меня за то, что я не выдѣлилъ обсужденія чуда предъ Дамаскомъ въ особую главу и очень мало сказалъ о фарисейскомъ «правовѣрїи» Павла. По поводу этого упрека я опять повторю то, что сказалъ раньше, именно,—я считаю необходимымъ мнѣнія противниковъ христіанства излагать въ системѣ, а не отрывочно. Выдѣлить обсужденіе чуда предъ Дамаскомъ въ особую главу я не могъ потому, что это чудо весьма тѣсно соприкасается съ чудомъ воскресенія Господа. Штраусъ, напримѣръ, свою гипотезу о воскресеніи І. Христа и явленіяхъ Его пачинаетъ съ анализа явленія І. Христа ап. Павлу. «Если мы хотимъ узнать,—пишетъ Штраусъ,—о явленіяхъ Христа ученикамъ Его что-либо достовѣрное, то мы должны обратиться къ показаніямъ ап. Павла. Павелъ въ 15-й главѣ 1-го посланія къ Коринціанамъ излагаетъ рядъ явленій Христа, который онъ заканчиваетъ своимъ. Всѣ эти явленія, очевидно, носятъ одинаковый характеръ. Слѣдовательно, чтобы узнать характеръ явленій Христа ученикамъ, нужно изслѣдовать характеръ явленія Христа Павлу» и т. д. Такимъ образомъ, отсюда ясно, что прежде чѣмъ опровергать гипотезу Штрауса о воскресеніи І. Христа и явленіяхъ Его, необходимо было сначала опровергнуть его неправильное мнѣніе о явленіи І. Христа ап. Павлу. Въ виду этого, я не могъ выдѣлить чуда предъ Дамаскомъ въ особую главу, а долженъ былъ говорить о немъ вмѣстѣ съ опроверженіемъ гипотезъ рационалистовъ о воскресеніи І. Христа. О фарисейскомъ правовѣрїи Савла я довольно подробно говорю на стр. 48—50 моей книги. О томъ, что ап. Павелъ не имѣлъ въ душѣ своей элементовъ призрачнаго видѣнія Воскресшаго, я говорю на стр. 71 и 72. Затѣмъ, при изложеніи гипотезы Фихте младшаго, я привожу его мнѣніе о томъ, что явленіе Христа ап. Павлу не было субъективнымъ только видѣніемъ, а могло произойти исключительно подъ вліяніемъ объективной причины. Этимъ я показываю, что сами отрицатели христіанства опровергаютъ мнѣнія другъ друга,—а это весьма важно для апологета.

Дѣлая критическія замѣчанія относительно VI-й главы моего изслѣдованія, гдѣ разсказывается о значеніи Христова воскресенія въ дѣлѣ искупленія человѣка, К. Г. Григорьевъ весьма сожалѣетъ о томъ, что я привожу тексты Св. Писанія въ доказательство извѣстныхъ положеній, а не составляю «богословскаго умозрѣнія», подобно Владиміру Соловьёву. Вполнѣ

соглашаясь съ тѣмъ, что Вл. Соловьевъ былъ хорошимъ знатокомъ философіи, я однако не считаю его авторитетомъ въ области богословія. Позволю себѣ напомнить въ данномъ случаѣ К. Г. Григорьеву слова общаго нашего наставника достоуважаемаго профессора А. Ѳ. Гусева, котораго одинъ изъ критиковъ (бывшій архим. Михаилъ) то же упрекалъ въ томъ, что онъ не подражалъ Вл. Соловьеву. «Вл. Соловьевъ,—замѣчаетъ проф. А. Ѳ. Гусевъ,—былъ собственно философомъ и потому даже чисто-богословскіе вопросы, конхъ приходилось ему касаться разсматривалъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія предвзятыхъ своихъ философскихъ идей» ¹⁾. Извѣстный проф. М. Тарѣвъ подвергнувъ анализу религіозно-философскіе взгляды Вл. Соловьева, пришелъ къ тому выводу, что «идеи безсмертія, царства Божія, раздѣляющія въ религіозно-философской системѣ Соловьева первое мѣсто съ идеею богочеловѣчества, имѣють у него философско-языческій и общечеловѣческій видъ, а не специфически-христіанскій» ²⁾. «Прочитаемъ ли мы его (Соловьева) «Исторію и будущность теократіи»,—замѣчаетъ Тарѣвъ,—или окинемъ взоромъ всю его религіозно-философскую систему, мы найдемъ у него на мѣстѣ евангелія нагло сверкающую дыру отвратительную пустоту, страшно подумать, что Соловьевъ, столь много писавшій о христіанствѣ, ни однимъ словомъ не обнаружилъ чувства Христа. Игравшій словами: «Логось», «Богочеловѣкъ», «Софія» съ ловкостью виртуоза, онъ не ощущалъ тайны историческаго Христа. Логось—Богочеловѣкъ былъ для него отвлеченнымъ понятіемъ, а не предметомъ живого созерцанія» ³⁾. Православному богослову, взявшемуся за рѣшеніе вопроса о значеніи воскресенія І. Христа въ дѣлѣ искупленія человѣка, необходимо выяснить ученіе о первородномъ грѣхѣ и о томъ, что І. Христось приходилъ на землю, чтобы спасти людей отъ этого грѣха, проклятія и смерти. Это я и дѣлаю въ своей книгѣ. Вдаваться здѣсь въ особое «богословское умозрѣніе» нѣтъ нужды.

Находя мое опроверженіе мыслей Мережковскаго по вопросу о значеніи плоти и духа неудовлетворительнымъ, К. Г. Григорьевъ самъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ошибки. «Какъ

¹⁾ Миссіонерское Обозрѣніе 1903 года, стр. 1055, № 7.

²⁾ Христіанское Чтеніе 1908 года, стр. 49, № 1.

³⁾ Ibid., стр. 48.

духъ человѣка,—пишетъ онъ.—такъ и плоть его—отъ Еди-
наго Творца, какъ духъ человѣка, такъ и плоть его назна-
чены къ вѣчной жизни, потому что люди воскреснуть, хотя
и не съ такими тѣлами, какія имѣются у нихъ во время зем-
ной жизни, но съ тѣми же самыми. Въ этихъ отношеніяхъ
и по христіанскому вѣрованію духъ и плоть равноцѣнны, что
и понятно, такъ какъ духъ и плоть двѣ неотъемлемыя стороны
одного существа человѣка... Этический вопросъ о святости и
грѣхѣ можно ставить только по отношенію къ «человѣку»,
къ воплощенному духу, къ активной личности способной
жить свято или грѣшно». К. Г. Григорьевъ этими словами
вноситъ путаницу въ понятіе о существѣ человѣка. Неоспо-
римо, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, тѣмъ не ме-
нѣе сущность человѣка, какъ лица, заключается въ силѣ его
самоопредѣленія: онъ есть потому лице или я, что сознаетъ
себя не только отличнымъ отъ своихъ хотѣній, знаній и чув-
ствованій, но и можетъ дѣлать ихъ объектомъ для себя. Не
будь въ немъ этого я, какъ силы самоопредѣленія по отно-
шенію ко всѣмъ возникающимъ въ немъ душевнымъ образо-
ваніямъ, его душевный организмъ былъ бы не его организ-
момъ, а безличною ареною стихій внѣшняго міра. Сущность
духа ничего не имѣетъ общаго съ движеніемъ нервныхъ ма-
теріальныхъ частицъ и не подчиняется мѣрѣ, вѣсу и анализу,
какимъ подчиняются движенія, наблюдаемыя внѣшними чув-
ствами. Такимъ образомъ, человѣческое существо, его я за-
ключается не въ плоти, а въ духѣ. Отсюда—прямой выводъ
тотъ, что духъ и земная плоть—не равноцѣнны. Правда, плоть
также воскреснетъ, но уже не въ прежнемъ видѣ, а въ про-
славленномъ. (1 Кор. XV, 42—44). По ученію Слова Божія
достоинство души человѣческой стоитъ безконечно выше до-
стоинства всего матеріальнаго (Матѣ. XVI, 26), слѣдовательно,
и человѣческой плоти. Г. Григорьевъ указываетъ на слова
ап. Павла, содержащіяся въ 1 Кор. VI, 13—20 и думаетъ
ими подтвердить свой взглядъ на равноцѣнность духа и плоти.
Но г. Григорьевъ въ этомъ случаѣ упустилъ изъ вниманія,
что въ 1 Кор. VI, 13—20 говорится о тѣлахъ христіанъ,
ставшихъ жилищемъ Св. Духа. Извѣстно, что благодать Божія
можетъ освящать матеріальные предметы, которые послѣ этого
становятся предметомъ почитанія. Христіане почитаютъ свя-
тыя иконы, святыя мощи, святую воду. Но изъ этого нельзя
выводить того заключенія, что матеріальные предметы выше
духовной природы человѣка.

Въ заключеніи своей рецензіи К. Г. Григорьевъ указываетъ на то, что мое сочиненіе о воскресеніи^н Господа не имѣетъ научнаго значенія и не дѣлаетъ никакого вклада въ русскую богословскую науку. Читатель послѣ всего сказаннаго мною можетъ догадаться, что заключеніе К. Г. Григорьева сдѣлано безъ надлежащихъ посыллокъ. Я думаю, что К. Г. Григорьеву что-то помѣшало надлежаще оцѣнить мое сочиненіе. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ ему за то, что онъ изъ академическаго зала перенесъ нашъ споръ въ печать и этимъ далъ мнѣ возможность подробнѣе изложить свои мысли, чего я не успѣлъ сдѣлать во время коллоквиума.

Ив. Глѣбовъ.

26 апрѣля, 1908 г. Печатать разрѣшается. И. д. Ректора С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ *Феофанъ*.

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи
Петръ Смирновъ.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки